Береговая Н.Ю.
Карлова О.А.

Идеологические фантомы цивилизации и культура: идентичность и толерантность

Аннотация.

Статья посвящена философскому аспекту определения имманентности и атрибутивности понятия «толерантность» собственно в культуре как таковой. Предмет исследования актуализирован как современными процессами в глобальном мире, так и различием ключевых методологических позиций в данной проблематике, на которых стоят сегодня современная российская и западная наука. Цель настоящего исследования – уточнение философских оснований существующего противопоставления обществ с традиционными этическими культурами (Россия, Китай) и полигосударственной европейской этнической общности «нового типа». На материале анализа происходящих в России и Европе общественных процессов с использованием сравнительно-исторического метода, методов моделирования и модельной экстраполяции в области культурологии, социальной психологии и политологии в статье выявляются основные подходы к этнической и социальной идентичности, культурные и идеологические их составляющие. Подтверждена гипотеза о том, что культура требует обозначения своей границы с другой культурой, признания этой границы, различающей и подтверждающей культурную семантику. Отрицание этого факта - прием идеологического манипулирования этно-социальным сознанием общества в рамках глобализационных процессов.

Ключевые слова.

Социокультурные коммуникации, культурная модель общества, культурная толерантность, социокультурная идентичность, идентификация, плюралистичность культуры.

Карлова Ольга Анатольевна, доктор философских наук, профессор Сибирского федерального университета

Береговая Наталья Юрьевна, руководитель управления социальной защиты населения администрации Красноярска

Научная специальность-24.00.01 (теория и история культуры)

УДК 304. 2 (социальные и культурные проблемы)

O.A.Karlova@yandex.ru

beregovaya@guszn.admkrsk.ru

Дискуссионность проблематики

В современном мире проблема социокультурных коммуникаций обретает острую актуальность во многих областях жизни. В связи с миграцией в Европу беженцев из стран Ближнего Востока и Африки и беспрецедентными тотальными контактами чрезвычайно разных по типу культур и представлений о социальной реальности одним из самых популярных терминов в европейских общественных науках является сегодня «толерантность» и ее модификации [8]. По поводу этого понятия сломано немало «научных копий», написаны сотни научных изысканий в его поддержку, десятки статей – с его критикой. В настоящей статье мы обращаемся к этому понятию прежде всего в философском аспекте определения его имманентности и атрибутивности собственно культуре как таковой.

Особую актуальность понятию толерантности придают сегодня не только сами многочисленные контакты культур, чрезвычайно далеких по своим корням, но прежде всего практика открытых конфликтов, вызванных разрывами в сфере социокультурных коммуникаций. Конфликтными являются зачастую контакты людей разных социальных групп, демонстративно противопоставляющих свои ценности иным: эти рецидивы, связанные с социальным расслоением современного общества, характерны для школьной и студенческой сред, в том числе в нашей стране. В России не преодолено общественное равнодушие к проблемам людей-инвалидов, что является таким же признаком разрыва социокультурных коммуникаций, как

и стремление дистанцироваться от людей иного социального статуса в быту, и отказ потенциальных приемных родителей от усыновления детей с ограниченными возможностями здоровья.

Методологические подходы

Важнейшая роль социокультурной идентичности людей в контактах этнического, религиозного да и социального свойства общепризнана [15; 16]. Любая национальная культура как возделывание определенного типа идеалов и образцов нацелена на формирование личностной социокультурной идентичности. Возделывание идеалов означает сохранение и воспроизводство традиций, архетипов, норм и смыслов, всего того, что составляет содержание культуры в синтезе ее духовной и материальной составляющих. Знаки, смыслы и идеалы, присущие тем или иным социальным группам, также могут наследоваться при рождении и воспитании среди определенного рода социокультурных реалий [13]. Если понимать под идентичностью свойства личности, которые включены в процесс ее самоопределения, то в качестве социокультурной идентичности могут выступать включенные в процесс самоопределения свойства личности в отношении социальных групп, этнической проблематики и национальной культуры. Все это фигурирует в процессе идентификации, само понятие которой произошло от позднелатинского identifico (отождествляю)[10]. **Можно сказать, что идентичность – это то, что делает конкретную личность ею самой [3].** В противовес этому центральному понятию в традиционной культуре западные ученые и политики в контексте цивилизационного подхода в центр культурного развития поставили категорию толерантности, нареченную при этом мерилом «истинной культурности». Под толерантностью (от лат. tolerantia — терпение) чаще всего понимают терпимость к чужому образу жизни, поведению и чувствам, а также мнениям и верованиям [7]. Она исторически связана, как полагают современные западные исследователи, с плюралистичностью, мыслимой как некое комплексное качество, полученное в ходе исторического «наложения»

разных социокультурных идентичностей в ситуации многовекового совместного проживания народов. Начало последней в Европе было положено еще в XVII в. – и ныне это качество считается присущим всем современным европейским нациям в их культурных, религиозных, политических взглядах.

Гипотеза исследования

Важно уточнить, что культура в философском смысле всегда предполагает факт другой культуры, другого понимания, другой социокультурной позиции. Но значит ли это, что она должна быть терпима к чуждому пониманию и чуждой позиции вплоть до отказа от собственной идентичности? Мы полагаем, что это представление, развернутое на цивилизационной аргументации, противоречит самим философским основаниям культуры. Культура требует обозначения своей границы с другой культурой (в этническом, социально-групповом, даже профессиональном отношении и др.), оформления и признания этой границы, различающей и подтверждающей культурную семантику. Отрицание этого факта - прием идеологического манипулирования этно-социальным сознанием общества.

Модели социокультурных коммуникаций

Модели социокультурных коммуникаций в современном мире многочисленны и разделяются по характеру культурной семантики. Наиболее актуальными являются модели этно-культурных коммуникаций. В России культурная модель вместила в себя множественность национальных культур, причем тысячелетним опытом их взаимодействия здесь были выработаны определенные антикризисные механизмы, предполагающие сохранение идентичных культурных границ. Важно уточнить, что, в отличие, скажем, от американской модели штатов, в российской модели этно-культурные границы нашли свое отражение в федеративном и муниципальном устройстве страны. В этой модели сосуществуют такие политические и социокультурные вектора как субъекты федерации с

титульными нациями, национальное большинство и национальные диаспоры регионов; коренные малочисленные народы; «старожильческое население» и мигранты-новоселы, а также различного рода социокультурные страты. Норма совместной социальной жизни разных российских этносов опирается на тот непреложный факт, что граница между этно-социальными культурными феноменами существует, является признаваемой и носит принципиальный характер, различающий и подтверждающий их семантику. В этой пограничной зоне свободный и уважительный диалог всех существующих национальных культур и есть одно из нормативных условий бескризисного развития такого общества. В постоянно поддерживаемом «равновесии» такого сосуществования - диалектика развития общества на основе «демократии наций (больших национальных общностей)». Данная диалектика предполагает и известную турбулентность в реальной общественной жизни: конфликты, малые и большие, - один из источников социокультурного развития, они постоянно порождаются и факторами социального расслоения, и особенностями религиозного мировоззрения, и спецификой бытовых обычаев в многонациональном и социально расслоенном обществе.

Учитывая, что народы России сосуществуют вместе столетия, можно ли говорить о плюралистичности российской культуры как некотором комплексном качестве, а не сосуществовании разных культурных тенденций? Безусловно, и содержание этой плюралистичности раскрывается в понятии «российский народ», в этом содержании основополагающую роль играют объединяющий культурный коммуникатор – национальный русский язык, многовековая история общежития, крупнейшие в стране совместно мирно освоенные и обживаемые территории (Сибирь и Дальний Восток) и ряд сложившихся социально-политических реалий, в числе который значительную роль играет государственная этно-культурная политика в разные периоды развития страны.

Понятие толерантности/нетолерантности в российском обществе чаще всего используется при анализе современных социокультурных контактов «старожильческого населения» и новых мигрантов, а также конфликтов в подростковой и студенческой среде, связанных с демонстрацией разных социальных ценностей и образцов поведения. Так, Россию часто критикуют за недостаток законодательных механизмов борьбы с таким злом, как торговля людьми. В зону этого риска попадают большей частью молодые женщины, стремящиеся на Запад и постоянно пополняющие ряды европейских и ближневосточных проституток. Действительно, эти и иные конфликты имманентно присущи культурной модели современной, еще не оправившейся от кризиса 90-х годов России, попавшей к тому же в экономическом отношении в жесткие санкционные тиски. Однако эти конфликты в своей массе и остроте снимаются существующими в самой российской культуре антикризисными механизмами.

А вот в традиционно благополучной Европе сегодня заговорили именно о социокультурном кризисе, а не о локальных конфликтах. Почему? Как случилось, что европейская модель культурных коммуникаций, по мнению ученых, совершенная в своей толерантности и плюралистичности, в ситуации накрывшей Европу волны беженцев из стран Ближнего Востока и Африки «трещит по швам», вызывая у «коренного населения» Европы раздражение и активный отпор? Заметим, что задолго до этих событий именно Западная Европа концептуализировала плюралистичность и толерантность в качестве главных черт общеевропейской «культурной идентичности», хотя в основе европейской «плюралистической комплексности» лежат разве что оформившийся не так уж давно (меньше века назад) принцип добрососедства, очень сложные из-за бесконечных национально-политических переделов векторы этно-культурного влияния, а таких факторов, как единый национальный язык общения, никогда не существовало. В этих условиях резонно предположить, что именно культивирование культурных различий с Россией служит сегодня основным

фактором оформления «культурной идентичности» Европы, «толерантность» и «плюралистичность» которой описываются прежде всего как антиподы традиционного российского культурного многообразия.

Действительно, по мнению западных ученых, европейское сообщество отличается от традиционных сообществ, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре и религии. Толерантность в значении «не навязывания своей идентичности» выступает как один из общественных продуктов социокультурного плюрализма в эпоху, когда монолитное единство общества кануло в историю [11]. Это касается, разумеется, не только этнического аспекта: толерантность стала притчей во языцех в связи, например, с утверждением морали и социальных прав сексуальных меньшинств в Европе. В этом аспекте классическая формула толерантности, приписываемая Вольтеру: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая ваше право высказывать собственное мнение» - выглядит сегодня просто реализованной метафорой, поскольку европейские люди традиционных взглядов и ценностей часто вынуждены мириться с пропагандой сексуальных меньшинств даже в школах среди детей. Реализуемая таким образом толерантность выступает скорее как категория идеологическая, чем базовая культурная.

Есть немало публикаций, в которых утверждается тождество понятий «толерантность» и «уважение другой культуры, ее понимание и принятие», а также не тождество этого понятия с терпимостью к социальной несправедливости, с отказом от своих убеждений или с уступкой чужим убеждениям. Но в практической реализации этой формулы так много конфликтного, что данный концепт, оторвавшись от жизненных реалий, постепенно превращается в идеологический штамп. Уточним, что более реалистично концепт толерантности выглядит в политическом и экономическом плане: например, как доверие к политической системе общества, которое устроено по принципу выборов из целого ряда оппонентов, или как экономическая конкуренция - основной принцип

гармоничного развития капиталистического общества. Но это опять-таки политэкономическая, а не собственно культурная сфера.

Позволим себе утверждать, что толерантность – явление скорее «идеологически-надстроечное», чем базовое культурное качество и ценность. Основание для этого утверждения состоит еще и в том, что терпимость в отношении другой расы, нации, конфессии, социальной группы с ее особым способом существования не возможна без более основополагающего фактора – обеспечения условий для свободного и ненасильственного развития каждого из подобных социокультурных феноменов. Если общество не обеспечивает это социокультурное равновесие, то толерантность и ее последствия начинают восприниматься как несправедливость и притеснение – иными словами, как фактор, противоречащий культуре и социальной справедливости.

В этнической психологии идентификация - механизм формирования и сохранения этнического самосознания и такого его базового феномена, как этническая идентичность. **Посредством ее в ходе этнизации усваиваются и транслируются этнические нормы и ценности, стереотипы поведения, традиции и обряды народа, осуществляется влияние на формирование этнически обусловленного мировосприятия[5].** Европа, претендующая на особую модель культуры, в основе которой лежат плюралистичность и толерантность, постоянно заявляет их как универсальные культурные качества, являющиеся цивилизационным достижением, сделавшее возможным само существование особого политического полигосударственного универсума – Евросоюза. Предполагается, что такая культура должна сама по себе продуцировать и особую культурную идентичность – плюралистичную и толерантную, у всех граждан, в том числе у интегрирующихся в европейское общество представителей традиционных культур Ближнего Востока и Африки. Именно на этом построены геополитические программы ряда ведущих европейских политиков, которые сегодня подвергаются критике, поскольку значительное

число неевропейских мигрантов показало свое нежелание культурно интегрироваться (при стремлении тем не менее получить все политические, экономические и социальные блага этого общества). Некоторая растерянность политиков сегодня, на наш взгляд, объясняется обнаружением того факта, что внутренне-плюралистические связи в европейской культуре оказались отнюдь не универсальны и повсеместны, а апелляция западноевропейских народов к источникам своих исконных культурных традиций - все более массовой. И не только массовой, но и агрессивной, как показывают выступления местных националистов и ультраправых сил. А с учетом того, что в толерантном европейском обществе по понятным причинам снижены общественные эмоции по поводу традиционных ценностей и идеалов и спутником толерантности объективно выступает общественное равнодушие, на этом фоне ультранационализм позиционирует себя как никогда ярко и эмоционально привлекательно.

Разумеется, не весь Запад таков – и это опять же доказывает относительность доминирования таких качеств, как плюралистичность и толерантность в западной культуре. Американские реалии откровенно далеки от идеологии толерантности: об этом говорят снос памятников истории, поддержка идеи стены на границе с Мексикой, кампания воинствующего феминизма и многие другие менее безобидные политические и культурные события.

Вектор нынешней западной реальности показывает, что оценка толерантности как устойчивого универсального качества «нового этноса», мягко говоря, преждевременна. Быстрота и сгруппированность ультранациональной реакции на нарушение моральных общественных устоев «плюралистического и толерантного общества» позволяют предположить, что толерантность принадлежит скорее к цивилизационным – идеологическим, политическим и экономическим - феноменам, чем к феноменам базовым, этно- и социокультурным.

Это доказывается в том числе постоянным публичным манипулированием со стороны идеологического авангарда западного общества понятиями «толерантность/ нетерпимость», когда речь заходит о внешней политике в отношении народов Сирии, Ливана, Ирана, Венесуэлы, Кубы, а также России и Китая. Толерантность утрачивает не только свое универсальное культурное качество, но даже просто смысл, когда речь заходит о признании социокультурной и всякой иной идентичности народов тех стран, которые находятся в зоне «экономического интереса» западных государств и транснациональных корпораций. Эти примеры давно стали риторическими и показывают, что декларируемая «терпимость» (толерантность), строго говоря, не является ни универсальным феноменом, ни «уважительным соблюдением границ всех культур», поскольку народы оказываются явно не равны в своей культурной ценности и из международной практики совершенно очевидно, кто «равнее».

Тут уж неуважение к европейским ценностям, массово проявляемое нежелающими интегрироваться в европейское общество приезжими, предстает с другой стороны - как закономерное и зеркальное отражение агрессивной и бездумно недальновидной политики Запада в отношении их собственных стран и народов. Из этого очевидного факта международной политики можно сделать вполне логичный вывод в контексте философии культуры: толерантность корректнее рассматривать не как базовый культурный феномен, объявленный таковым в западной науке, а как фактор, внешний по отношению к базовым культурным ценностям, чаще всего идеологический, поскольку на деле он слишком избирательно применяется в угоду «надстроечным» интересам западной политики и экономики.

Мы исходим из того, что идентификация у личности, исповедующей культурную терпимость западноевропейского образца, происходит тем же самым путем осознания сходств и тождеств между ней и представителями иных наций и культур, иных социальных групп и конфессий, как это происходит у представителей традиционных культур, хотя и налагается при

этом на культивируемые в обществе идеологические представления, которые строятся на основании не базовых культурных реалий, а политических и экономических макроинтересов правительств и международных корпораций. Та же торговля людьми – всемирный процесс, жертвами которого только в Восточной и Центральной Европе становятся 120 тысяч женщин и детей ежегодно. За 19 млрд долларов (столько, по оценкам средств массовой информации, составляет ежегодный оборот торговли людьми) представители самых разных, в том числе и западных культур, забывают о той общности «человеческого», что существует между ними и их жертвами из «развивающихся», а порой и из их собственных стран. В этом смысле можно говорить о том, что идентичность европейского типа не включает в себя толерантность как базовый компонент, а приемлет его как внешний цивилизационный фактор, государственное правило жизни и идеологическую норму, которой нужно следовать ради собственного спокойствия.

Идентичность личности в большинстве жизненных ситуаций является не только основой ее социального действия, но также важнейшим социокультурным маркером. Иными словами, принятие/непринятие личностью «инокультурных» и «иносоциальных» феноменов современной действительности так или иначе связаны с собственными социокультурными характеристиками личности, с одной стороны, а с другой – с присущим личности способом социокультурной идентификации, поскольку и сама идентичность личности зависит от процесса идентификации, выступая в качестве его результата. Таким образом идентификация и формирует идентичность, и опирается на нее в последующей оценке мира.

Что происходит, когда в социокультурной идентификации доминируют внешние (главным образом идеологические и политические) факторы? Заметим, что основополагающий корень iden в понятии “идентификация” означает то, что долгое время не изменяется[14]. Иначе говоря, речь идет о «равенстве в главном, неизменном», принадлежащем глубокому

культурному слою или особо ценностному сакральному пласту социокультурной реальности или мифа. В этом смысле можно говорить о том, что идентификация есть определение соответствия чего-либо существующему эталону, взятому за некую неизменную основу и имеющему определённые параметры[1], но этот эталон – и это важно - есть именно культурный универсум, а не идеологический пиар.

Этот тезис можно проверить, например, на модели культуры советского социалистического типа в части ее имманентности культурной ментальности «русского мира». Последний смог в некоторой мере «сжиться» с данным воплощением, поскольку их «спаяли» такие общие качества, как, например, «национальная миссия», «народное подвижничество», а с другой стороны - характерная недооценка собственной национальной культуры и социокультурных достижений. При этом сравниваемые феномены отнюдь не тождественны, поскольку основу «советской социалистической культуры» формировала прежде всего идеологическая матрица.

То есть идентификацию следует понимать как процесс обнаружения и выяснения того, чем данная вещь (общество, нация, объект, человек) в социокультурном плане является, а чем нет[2]. Добавим, на наш взгляд, важное: речь не об одномоментном событии, а о некоторой сущности, рассматриваемой в социально-исторической ретроспективе.

В социокультурном плане человек отождествляет самого себя с другими людьми на основе собственных сформированных ценностей, эмоциональных реакций и особенностей менталитета. Так, личностное «Я» как внутреннее тождество самому себе сохраняется на протяжении жизни и демонстрирует в одних случаях единство с другими личностями, выраженное в параметрах пространственно-временного континуума, в других случаях – отличие от них. Особенность мыслимого при этом пространственно-временного континуума в том, что в его параметрах осознается интерсубъективное эмоционально-понятийное целое, частью которого и полагает себя личность. Это – и я сам,

и моя социальная группа, и мой народ. Образы, нормы, идеалы, знаки, культивируемые в границах этого континуума, также как присущая ему коллективная интуиция, воспринимаются как нечто неизменное, главное, служат человеку опорой в его постоянной «тяжбе» с миром и проявляются прежде всего в кризисных ситуациях, где «принадлежность к целому» позволяет выжить и не утратить самого себя (собственную идентичность).

Заключение

Любой внешний объект обретает свои смыслы для человека в процессе его оценки, идентификации. Главное в этом, как ни странно, вовсе не установление истины, а именно социокультурная демаркация, манифестации социокультурного своеобразия. Отсюда и важнейшее качество идентификации как процесса, имманентно присущего культуре и социокультурной реальности. Эмоциональная связь с объектом по типу уподобления – главное качество идентификации, которое выделил Зигмунд Фрейд, первым после математика Л.Эйлера предложив использовать термин «идентификация» в социально-гуманитарном знании – в качестве краеугольного камня теории психоанализа. Эмоциональная связь с теми или иными социокультурными образцами, воплощенными в родителях, в героях, тех или иных объектах поклонения, сопровождает нас всю жизнь и служит причиной важнейшего социального действия – уподобления[6]. Для нашего исследования важен тот факт, что одним из самых простых способов понимания другого человека является эмоциональное уподобление себя ему. Однако способность личности к подобному уподоблению связана с фактором ее самоотождествления (идентичности), при котором она приобретает качество интерсубъективности. Человек как бы перестает быть только лишь индивидом, он выступает как часть некоего целого и в то же время как репрезентативный представитель этого целого – личность-манифест той или иной социокультурной идентичности. Именно с позиции подобного эмоционального «манифеста идентичности» чаще всего

происходит оценка личностью внешних объектов и процессов, к которым она оказывается чувствительной в силу исповедуемых ценностей.

В толерантном обществе «манифестантность», пассионарность такого рода значительно снижена, поэтому, как ни парадоксально, толерантность вовсе не «усиливает» эмоционально окрашенную социокультурную идентичность, как полагают некоторые исследователи, а просто замещает ее: как следствие, и общественная эмоциональность замещается пассивностью, в пределе - равнодушием. Поэтому сейчас, когда Россия пытается равняться на Запад с точки зрения, например, обеспечения прав людей с ограниченными возможностями здоровья, надо помнить о том, что есть существенная разница между хорошо проработанным в этом отношении европейским законодательством и эталонным отношением общества к этой проблеме.

При распознавании культурного «иного» с позиций собственной идентичности происходит процесс анализа объекта или процесса как знаковой системы: сопоставляются признаки и характеристики объектов, происходит уточнение их принадлежности по сходству и различию, проводится их специфическая классификация. Человек каждый миг своего существования производит социокультурное (как и естественно-биологическое) сканирование окружающего мира. Результаты процесса сканирования через нервные окончания поступают в головной мозг, где происходит идентификация, результаты которой ложатся в основу наших действий. Эта идентификация является постоянным процессом для нашего мозга. По данной схеме работают, кстати, и общественные институты: главная задача телевидения, например, - отбор и оценка фактов из всего того, что происходит в окружающей жизни. Телевидение, как и другие средства массовой информации, работая с массовой аудиторией, неизбежно само творит смысловой миф – отбирая, упрощая информацию, идентифицируя основные смысловые доминанты, окрашивая информацию эмоционально. Самое простое распознавание производится по двоичному

признаку («свой» – «чужой»; «дом»-«лес»; «добро»-«зло»), он известен еще со времен древнего мифологического знания, отраженного в устном народном творчестве. Но и сегодня этот универсальный, имманентный культуре человечества принцип распознавания и идентификации используется практически без изменений. Современные информационные войны актуализировали его, с мифологическим масштабом объявляя все идеологически и политически «иное» вселенским «культурным злом». И та легкость, с которой Россию вновь – после двадцатилетнего перерыва - записали во «враги прогрессивного и толерантного человечества», доказывает чрезвычайную злободневность изучения феноменов идентификации в современной культуре, ее типов и характеристик. Во всяком случае то, что мы видим сегодня в «толерантных западных СМИ» мало похоже на реализацию принципов Декларации ЮНЕСКО (1995 г.), в которых подчеркивается, что толерантность – ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в том числе в праве всех индивидов быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с ними [7].

Ситуативное уподобление/расподобление, переходящее в устойчивое, формирование на этой основе поведенческих стереотипов, некритического мышления, психологической защиты от страхов и тревоги – все это работает в определенной степени на диссимиляцию западной личности от самой себя[4] и имманентной социальной и культурной группы, и в этом смысле – на разрушение истинной социокультурной идентичности, заменой ее цивилизационными «культурными симулякрами». Можно предположить, что противостояние «цивилизационной идентификации» и «культурной идентификации» может привести к тому, что последняя впадет в сферу бессознательного и будет

актуализироваться только в кризисных ситуациях, сопровождаемая характерными для этого состояния сильными общественными эмоциями, агрессивностью, потерей контроля, депрессией и гневом. На этом фоне осознанная проективная идентификация, спровоцированная направленным идеологическим влиянием государственной политики или политики масс-медиа, будет выполнять защитную функцию для личности: а именно защиту посредством нахождения внутри некоего виртуального объекта (например, Евросоюза или «американского мира»), создавая тем самым иллюзию контроля над ситуацией и удовлетворенности «виртуальной защищенностью».

Это довольно опасное явление проявляется как вектор идентификации на основе признания сходства/тождества событий или людей, но не в контексте социокультурной реальности, а в контексте идеологических ярлыков и штампов. Идеология общества имеет колоссальное влияние на личность: это показывает опыт советской России, в которой смог реализоваться даже проект замены космоцентрической православной религиозности (сакрального ядра русско-славянской культуры) на религиозность другого типа – социоцентрическую[12]. Одним из источников успешности такой замены стал психологический механизм защиты, при котором на неосознаваемом уровне люди приписывали себе качества и социальные нормы, предписанные общественной идеологией и ее идеальными носителями. Защита в данном случае зижделась на спектре факторов – от необходимости личного выживания до индивидуального спокойствия при существовании в определенных нормах и стандартах. Подобный путь новой социально-культурной идентификации до последнего времени многие авторы стремились трактовать как сугубо российский феномен (даже не смотря на наличие в истории целого ряда более ранних революционных перестроек в государственно-культурных системах других народов). Критический взгляд на идеологические процессы в культуре стран Запада сегодня показывает, что социокультурная идентификация и здесь

может осуществляться в некритических формах, порождающих современные культурные симулякры и дающий новый опыт мифологических смысловых построений. Это делает как никогда актуальным научное исследование проблемы социокультурной идентификации в разных ее аспектах [9].

Список цитируемых источников:

1. https://businessman.ru/new-chto-takoe-identifikaciya-opredelenie-primery.html.

2. http://vslovare.ru/slova/filosofskiy-slovar/identifikatziya/275819/.

3. http://vslovare.ru/slova/politicheskiy-slovar/identifikatziya/3163/

4. http://vslovare.ru/slova/psihologicheskiy-slovar/identifikatziya/34464/

5. http://vslovare.ru/slova/sotziologicheskiy-slovar/identifikatziya/264038/

6. https://psychology.academic.ru/748.

7. https://ru.wikipedia.org/wiki/tolerance#cite_note-17.

8. Karpov, A.O. Dissonance Tolerance as a New Principle of the Cross-cultural Sustainability/ Procedia-Social and Behavioral Sciences. Volume 237, February 2017, Pages 723-730.

9. Lepskij, V.E., Lefevr, V.A., SHCHedrovickij, P.G. // Refleksivnye processy i upravlenie//http://www.reflexion.ru; Berger, P., Lukman, T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M., 1995; Freud, S. Introductory lectures on psychoanalysis. L., 1929; Identification, Socialisations/Encyclopedia of Psychology. N.Y., 1972. Vol. 2.

10. Novejshij filosofskij slovar'. Minsk: Knizhnyj dom A.A. Gricanov, 1999.

11. Olivier, J., Thoenig, M., Verdier, T. Globalization and dynamics of cultural identity/ Journal of International Economics. Volume 76, Issue 2, December 2008, Pages 356-370.

12. Pivovarov, D. V. Duh, Dusha, Vera. – Ekaterinburg, 2000. - S. 103.

13. Shengquan, Ye., Ting Kin, Ng. Value change in response to cultural priming: The role cultural identity and the impact on subjective well-being / International Journal of Intercultural Relations. Volume 70, May 2019, Pages 89-103.

14. Slovar' inostrannyh slov. Komlev N.G., 2006.

15. Smaldino, P. Social identity and cooperation in cultural evolution/ Behavioral Processes. Volume 161, April 2019, Pages 108-116.

16. Zolfaghari, B., Mollering, G., Clark, T., Dietz, G. Haw do we adopt multiple cultural identities? A multidimensional operationalization of the sources of culture/ European Management Journal. Volume 34, April 2016, Pages 102-113.